Н.А. Ёхина

МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИИ: П.С. БОРАНЕЦКИЙ И ЕВРАЗИЙСТВО

В 1928 г. несостоявшийся аспирант-экономист Петр Боранецкий нелегально покинул СССР[1], открыв тем самым новую, эмигрантскую главу своей жизни. Как писал на страницах «Нового Града» В.С. Варшавский, он «был первым, появившимся в эмиграции человеком нового социального мира, поднятого на поверхность землетрясением революции»[2].

П.С. Боранецкому было 28 лет, когда он бежал из своей страны от власти, которая ему, выходцу из крестьянской семьи, дала возможность не только получить высшее образование, но и сделать карьеру ученого, ибо после окончания в 1925 г. экономического факультета Одесского ниститута народного хозяйства он был приглашен в аспирантуру в Москву[3].

Представляется необходимым чуть подробнее остановиться на данном вопросе, поскольку до настоящего момента об аспирантском периоде жизни Петра Степановича практически ничего не было известно. В Москву он приехал в 1925 г. Его фамилия фигурирует в списке аспирантов, проживающих по ул. Волхонке, д. 18/1, «во владении РАНИОН по подоходному налогу за 1925/26 гг.»[4]. В число штатных аспирантов Института экономики РАНИОН Боранецкий был зачислен 19 января 1926 г.[5]

Вполне вероятно, что по советским меркам судьба Петра Степановича могла сложиться более чем удачно и его ждала карьера ученого-экономиста с возможной перспективой получения высоких постов в советских учреждениях. Достаточно упомянуть лишь некоторых его сокурсников по аспирантуре[6], жизненный путь которых сложился именно так. Среди них, в частности, были такие в последующем громкие имена, как З.В. Атлас (1903–1978) — советский экономист, доктор экономических наук, профессор Торговой академии, Всесоюзной академии

---

[1] До настоящего времени не было доподлинно известно, в каком именно году П.С. Боранецкий покинул Россию. Уточнить данную информацию удалось благодаря письму П.С. Боранецкого одному из идеологов евразийства П.Н. Савицкому (от 2 марта 1929 г.), отложившемуся в ГА РФ. В письме Боранецкий называет точное время своего бегства из СССР — 1928 г. (см: ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48).

[2] *Варшавский В.С.* «Третья Россия» // Новый Град. 1938. № 13. С. 175.

[3] См.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 130.

[4] ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 54. Л. 11.

[5] См.: Там же. Д. 18. Л. 22–22 об.

[6] Их имена фигурируют в списке аспирантов Института экономики за 1926–1927 гг. (см.: ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 56. Л. 27–27 об.).

внешней торговли, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР; Н.А. Цаголов (1904–1985) — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ; Л.М. Гатовский (1903–1997) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР, директор Института экономики, позднее главный научный сотрудник института; В.И. Кац (1899 — после 1967) — доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела в научно-исследовательском экономическом институте (НИЭИ) при Госплане Совета министров СССР и другие.

Однако П.С. Боранецкий выбрал другой путь, что было обусловлено вполне объективными для него причинами. Переезд в Москву как центр политической жизни и обучение здесь в аспирантуре окончательно лишили его иллюзий в отношении способности большевиков осуществить вековые чаяния народа. Уже позже, в эмиграции, для характеристики диктатуры пролетариата Боранецкий использовал народную поговорку: «Не дай Бог из Ивана — пана». Эту диктатуру «Ивана-пана» он рассматривал не иначе как подлинную охлократическую диктатуру, самую страшную из диктатур, ибо «тут низший — интеллектуально и морально — властвует над высшим»[7]. По утверждению же Боранецкого, «будучи выходцем из народа и не принадлежа в то же время к сословию “новых дворян”», в России он «имел возможность наблюдать обе стороны медали нового “предсоциалистического” господства-подчинения», испытывая, как и многие, «молчаливо-подавленный ужас повседневных унижений, попираний самых элементарных прав человеческого достоинства; наглого, подчеркнуто-господского своего положения новых бар, которые держатся в отношении беспартийных подобно завоевателям среди диких народностей»[8]. Помимо этого, одной из важнейших причин, обусловивших отношение Боранецкого к большевизму, являлась его догматизированная, безрелигиозная идеология[9]. Боранецкий же, хотя и отрицал «Бога Сущего», но грезил о «Боге Становящемся», но об этом чуть позже.

В аспирантуре это понимание нашло свое отражение в отношении П.С. Боранецкого к учебе. В частности, в протоколе заседания проверочной комиссии РАНИОН от 30 сентября 1926 г. указывалось на то, что Боранецкий оставлен в аспирантуре условно на один год «с тем, чтобы со стороны Коллегии Института было обращено внимание на его академическую работу»[10]. Как показывают отчеты о семинарских занятиях за 1926/27 учебный год, камнем преткновения для новоиспеченного аспиранта стала «Теоретическая экономия»: из одиннадцати семинарских занятий по данному предмету он посетил лишь два[11].

Однако далеко не леность была причиной столь несерьезного отношения к семинарам по специальности. Комиссия по учету годичной работы аспирантов

---

[7] *Боранецкий П.С.* Сталин и оппозиция // Третья Россия. 1938. № 8. С. 35–36.

[8] Там же. С. 35.

[9] См.: В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов: Переписка П.С. Боранецкого и К.А. Чхеидзе / публ. А.Г. Гачевой // Диаспора: Новые материалы. Т. 7. СПб.; Париж, 2005. С. 441.

[10] ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 47. Л. 2.

[11] См.: Там же. Оп. 1. Д. 287. Л. 41 об., 50 об.

после рассмотрения представленных Боранецким для сдачи кандидатского минимума докладов («по стоимости», «о земельной ренте») и тезисов («по деньгам и кредиту») поручила заведующему учебной частью «путем личной беседы дополнить сведения о тов. Боранецком», оставив вопрос о его аттестации открытым[12]. Подобное заключение было вынесено только в отношении Боранецкого.

В итоге решением заседания коллегии Института экономики от 28 июня 1927 г. П.С. Боранецкий из аспирантуры был отчислен как неуспевающий (помимо него отчислили еще восемь человек)[13]. Скорее всего, работы Боранецкого вызывали у преподавателей вопросы отнюдь не предметно-теоретического характера, а имели под собой идеологическую основу. Подтверждение этому позже находим у самого Боранецкого. Уже в эмиграции, в 1929 г., в письме одному из основателей и руководителей евразийского движения П.Н. Савицкому, рассказывая о себе, он упомянул о том, что «был исключен по идеологической чистке, по мотивам непринадлежности к официальной (марксистской) идеологии», которая в этот период для аспирантов являлась «фактически обязательной»[14].

Чем занимался Петр Степанович с момента своего исключения из аспирантуры до того, как покинул Россию, — неизвестно. Однако в том же письме П.Н. Савицкому в качестве причин, обусловивших его бегство из страны, он называл свою принадлежность к нелегальной организации «Крестьянороссов-мессионеров»[15] и некие обстоятельства «личного рода»[16], суть которых не раскрывал.

За границей Боранецкий сначала жил в Румынии, затем переехал в Чехословакию. Можно сказать, что эмиграцию он брал своего рода штурмом. В течение достаточно короткого срока ему, совершенно неизвестному в эмигрантской среде человеку, удалось не только громко, а точнее громогласно, заявить о себе, но и решать некоторые свои чисто практические проблемы с помощью видных эмигрантских деятелей. Именно в Праге произошло его знакомство с представителя-

[12] ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 47. Л. 13, 14 об.

[13] См.: Там же. Л. 15 об.

[14] ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48.

[15] В эмиграции данную группу называли «Народниками-мессианистами», однако информация о ней на данный момент крайне скудна. П.С. Боранецкий считался ее главой и, находясь в эмиграции, по его собственному утверждению, поддерживал с группой связь. В редакционной статье первого номера журнала «Утверждения» народники-мессианисты определяются как единственный из известных в России тайных кружков, ставящих «проблему по-революционной России» (От редакции // Утверждения. 1931. № 1. С. 6). Журнал «Третья Россия», издание которого Боранецкий начал в январе 1932 г., изначально позиционировался в качестве печатного органа народников-мессианистов. Первые два номера журнала открывались программными статьями от имени означенной группы. Однако уже в декабре 1932 г. в одном из писем члену евразийского движения К.А. Чхеидзе П.С. Боранецкий сетовал на то, что «слишком много прошло времени с момента прекращения непосредственной связи» с его друзьями в России, и он боится, что слишком разошелся с ними. Поэтому Петр Степанович посчитал, что «издавать журнал именем всей группы» права он уже не имеет. В итоге Боранецкий сообщает Чхеидзе следующее: «…я решил расширить наш журнал, в смысле снятия с него *групповой пометки* (клички), оставив его в партийном смысле без имени, хотя, само собой разумеется, с тем же идейным направлением. Т<аким> обр<азом>, это будет не журнал группы, по имени, а действительно “*орган исканий* Нового Синтеза”, орган *творческой* поревол<юционной> мысли» (В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов… С. 471).

[16] ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48.

ми евразийского движения, в том числе и с одним из его идеологов, вышеупомянутым П.Н. Савицким.

Оказавшись за границей, без знания языка, Петр Степанович пытался не только заработать себе на хлеб трудом физическим, но и продолжить обучение. Предметом его научных занятий на первом этапе оставалась экономика. Для осуществления задуманного он обратился с заявлением в пражскую Русскую академическую группу, предоставив свою письменную работу по данному предмету. На работу необходим был отзыв одного из местных ученых-экономистов. В итоге в Академической группе Боранецкому посоветовали обратиться, учитывая характер «и тенденции разработанной темы»[17], к П.Н. Савицкому. Боранецкий поспешил воспользоваться советом, написав Петру Николаевичу несколько писем, в одном из которых, от 2 марта 1929 г., помимо краткого изложения информации о себе, просил посодействовать в решении данной проблемы. Судя по тому, что в следующем письме, датированном 16 апреля 1929 г., Боранецкий уточняет фамилии руководящих лиц Академической группы, которым необходимо было направить отзыв[18], П.Н. Савицкий в написании последнего не отказал.

Однако продолжить научные изыскания в экономической сфере Петр Степанович не пожелал. Даже «очищенная» от столь ненавистной для него официальной марксистской идеологии, экономика не стала для Боранецкого тем, чем она являлась для Савицкого, а именно «непосредственным инструментом для познания и переустройства мира», в ней идеолог евразийства «видел синтетическую дисциплину par excellence, содержащую по своей природе и метафизические, и эмпирические элементы»[19].

Боранецкий увлекся философией и направил свои мыслительные усилия на постижение вечных религиозно-философских проблем, пытаясь разрешить их в соответствии с новыми жизненными реалиями. Вскоре он покинул Прагу и с документами от пражской Академической группы приехал в Париж. Здесь новоиспеченный философ обратился за помощью к Н.А. Бердяеву[20], прося содействия в «прикреплении к какой-нибудь академической организации», для того чтобы продолжить образование, и «нечто вроде справки» от Религиозно-философской академии, подтверждающей его занятие философией. Мотивировал он это тем, что окончательно решил избрать «предметом своих научно-подготовительных занятий философию, а не пол<итическую> экон<омию>»[21].

Именно Н.А. Бердяеву П.С. Боранецкий сообщает о том, что философия для него «не специальность, а жизнь», откуда черпаются «силы и руководящие средства» для его практической деятельности. При этом Боранецкий подчеркивал, что «нащупал корень истины», заключающийся в универсальном принципе «единства всего со всем, — в субъективном выражении: “все во мне и я во всем”». Петр

---

[17] Там же.

[18] См.: Там же. Л. 49.

[19] *Байссвенгер М.* Метафизика Евразии // Русское слово. 2008. № 5. URL: http://www.ruslo.cz/articles/170 (дата обращения 13 марта 2013 г.).

[20] Подробнее об этом см.: «Все во мне и я во всем»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву / публ. Н.А. Ёхиной // Русская философия в изгнании: Исследования и публикации. М., 2012. С. 397–435.

[21] «Все во мне и я во всем…»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву… С. 411.

Степанович был убежден, что на основе этого принципа становилась возможной «форма бессмертия — бессмертия через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности»[22]. Думается, нет ничего удивительного, что для краткого и емкого выражения сути своих философских построений Боранецкий использовал строку из стихотворения Ф.И. Тютчева[23]. Ведь, как подчеркивает в предисловии к сборнику эмигрантских работ (1920–60-х гг.), посвященных великому поэту, современный исследователь М.Д. Филин, «присутствие и водительство Тютчева ощущалось на всем протяжении истории Зарубежной России…»[24].

Однако в Париже Петр Степанович посвятил себя не только исканиям в религиозно-философском направлении, но и занятиям, как он писал, «обыкновенной текущей политической работой»[25]. В начале 1930-х гг. разработчики новых идеологических концепций в эмигрантской среде, выстраивая свои теории, возлагали надежды на молодое эмигрантской поколение, которое, по словам идеолога сменовеховства Н.В. Устрялова, вступало в жизнь через пятнадцать лет после революции. Именно оно должно было стать «определяющим политическим и культурно-историческим фактором»[26].

В этот период на страницах журнала «Утверждения», выходившего в 1931–1932 гг., была провозглашена идея «пореволюционного синтеза», способная объединить для дальнейшей созидательной деятельности представителей различных движений эмиграции. Речь шла об оформлении «единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в объединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций»[27]. Основная ставка делалась на «объединение пореволюционной молодежи и той части эмиграции, которая в тяжком опыте обрела новое сознание»[28].

Позиционируя себя в качестве лидера действующей в России группы народников-мессианистов, Боранецкий еще на этапе подготовки журнала примкнул к утвержденцам, лидером которых был Ю.А. Ширинский-Шихматов. В первом же номере «Утверждений» были опубликованы две его статьи: «О русском мессианизме» и «Назревание событий». Первая определялась Боранецким как «идеологическая», вторая как «тактическая»[29]. В «идеологической» статье Боранецкий, рассматривая русскую революцию в качестве концентрированного, предельно актуального, катастрофически выраженного кризиса всей современной цивилизации, указывал на то, что она в своем аспекте «всеотрицания» изобличила и «все до основания старое, и все без остатка, что казалось новым и было на самом деле лишь отрицанием старого»[30]. В этой связи «роковое заблуждение некоторых

---

[22] «Все во мне и я во всем…»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву… С. 413.

[23] Речь идет о стихотворении «Тени сизые смесились…» (1835).

[24] *Филин М.Д.* От составителя // Таинник Ночи: Зарубежная Россия и Тютчев. М., 2008. С. 8.

[25] «Все во мне и я во всем…»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву… С. 410.

[26] *Устрялов Н.В.* Зарубежная смена // Утверждения. 1932. № 3. С. 107.

[27] От редакции // Там же. С. 3.

[28] От редакции // Там же. 1931. № 2. С. 3.

[29] «Все во мне и я во всем…»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву… С. 414.

[30] *Боранецкий П.С.* О русском мессианизме // Утверждения. 1931. № 1. С. 33.

групп евразийцев»[31] Боранецкий видел в том, что они «последнее слово старого мира», под которым рассматривался большевизм, «приняли за первое слово нового мира, смерть приняли за рождение»[32].

Говоря о будущем России, Боранецкий подчеркивал, что, поскольку она стала своего рода «жертвой искупления» всех «современных язв, противоречий, безысходностей, тупиков», страной, народ которой столько выстрадал и перетерпел, именно здесь должна была «заняться заря новой жизни». Приводя утверждение философа О. Вейнингера о том, что Христос был величайшим человеком, поскольку «мерился силами с величайшим противником», убежденный антихристианин Боранецкий, как это ни удивительно, уподоблял русский народ именно Христу, ибо народ этот «познал таких размеров зло, что его возрождающийся дух» граничил «с каким-то всеведением, с нравственным всемогуществом»[33]. Теперь миссия России заключалась в том, чтобы «осуществить универсальный культурно-исторический Синтез, который, вобрав, творчески примирив и согласовав все ценности, идеи и силы и устремления груды распадающейся, рассыпающейся цивилизации, в нем открыть новый всемирно-исторический цикл, дать первооснов новым высшим формам жизни»[34].

Воспринимая политическую борьбу прежде всего как войну, предполагающую мобилизацию всех сил, в «тактической» статье Боранецкий призывал к организации некой третьей силы — «национал-революционеров», которая противопоставлялась бы и «национал-пораженчеству», и «национал-соглашетельству», и «пассивному национал-непротивленчеству»[35]. Эта сила в лице многомиллионного крестьянства должна была осуществить национальную революцию, которая, с одной стороны, смела бы большевистскую «лже-социалистическую»[36] систему, с другой, могла бы противостоять мировому империализму, возможная война которого против большевиков рассматривалась Боранецким прежде всего как война против России и ее народа. В этой связи задачей пореволюционных сил эмиграции, как указывалось выше, определялась разработка объединяющей пореволюционной идеологии.

Однако вскоре сотрудничество с утвержденцами Боранецкий прекратил[37] и приступил с 1932 г. к изданию собственного журнала, получившего название «Третья Россия». Журнал также определялся как «орган исканий пореволюционного синтеза»[38]. «Верховной организационной целью» третьероссов Боранецкий

---

[31] Имелась в виду Кламарская группа.

[32] *Боранецкий П.С.* О русском мессианизме. С. 31.

[33] Там же. С. 34.

[34] Там же. С. 37.

[35] *Боранецкий П.С.* Назревание событий // Утверждения. 1931. № 1. С. 60.

[36] Там же. С. 54.

[37] Причины, по которым Боранецкий прекратил сотрудничество с утвержденцами, были обозначены им в письмах Н.А. Бердяеву; см.: «Все во мне и я во всем…»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414–419.

[38] От руководства журнала «Третья Россия» // Третья Россия. 1932. № 1. С. 2.

определил создание «подлинного Народного Движения»[39]. Продолжая и углубляя тему необходимости третьей крестьянской революции, Боранецкий подчеркивал, что она должна была стать последней конструктивно-стабилизационной стадией «единой Российской Революции», открыть «эру подлинной Пореволюционности, эру Мира, Свободы и Строительства новых форм жизни». При этом «к революции» Боранецкий предполагал идти «через эволюцию», используя для облегчения и оформления стихийно происходящей рабоче-крестьянской социально-политической перегруппировки «все формы и методы приспособления», соглашаясь «на все сделки и компромиссы, если нужно, на тактическое расчленение единого пути борьбы на несколько этапов и приемов…»[40].

Ф.А. Степун в 1932 г. на страницах «Нового Града», приветствуя появление «Третьей России», констатировал, что журнал «энергично отмежевывается от всякого фашизма и определенно становится на сторону "неодемократии"». «От духа фашизма» Ф.А. Степун признавал за журналом лишь «его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только несущийся, но и заносчивый», замечая при этом, что «люди, вышедшие из революции, не могут, да пожалуй, и не должны писать иначе»[41].

По мнению Ф.А. Степуна, при всей сложности позиции авторов «Третьей России» в ее серьезности чувствовалась близость к России. Мыслитель признавал, что перед натиском «двуединого красно-черного фашизма» «без какого бы то ни было миросозерцания демократии дальше жить нельзя». Именно поэтому он вменял в заслугу третьероссам их понимание того, что спасение демократии «только в новом человеке и в новой вере», подчеркивал их правоту в стремлении «религиозно укоренить свой культурно-философский и социально-политический синтез», в «отрицании таких отживших антитез, как славянофилы и западники, правые и левые…»[42].

Необходимо отметить, что и утвержденцы, и новоградцы, и третьероссы позиционировали издаваемые ими журналы в качестве органа молодежи, преследуя цель привлечь ее в свои ряды. Однако, как справедливо замечает А.Г. Гачева, отличительной чертой третьероссов являлось то, что Боранецкий был и идеологом группы, и фактически единственным ее представителем[43]. При этом он упорно пытался наладить контакт с видными идеологами российской эмиграции, проповедуя свое учение. Среди них, помимо вышеупомянутых П.Н. Савицкого и Н.А. Бердяева, был, например, кадетский лидер П.Н. Милюков, который в непосредственный диалог с П.С. Боранецким, судя по всему, так и не включился[44].

---

[39] *Боранецкий П.С.* Как освободится Россия // Третья Россия. 1932. № 2. С. 15.

[40] Там же. С. 17–18.

[41] *Степун Ф.* «Третья Россия» // Новый Град. 1932. № 3. С. 80.

[42] Там же. С. 80–81.

[43] См.: *Гачева А.Г.* Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 387.

[44] См.: *Ёхина Н.А.* П.С. Боранецкий — П.Н. Милюкову: В поисках «пореволюционного синтеза» // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков: Мат-лы междунар. науч. коллоквиума. М., 2010. С. 226–236.

Считается, что Боранецкий был близок к евразийскому движению[45], и это действительно в определенных аспектах так, хотя не будем забывать слова П.Н. Милюкова: «Каждый может найти у евразийцев, чего хочет — кто хочет — православие; кто хочет — национализм; кто хочет — критику белого движения; кто хочет соглашательство и оправдание большевизма; кто хочет реализм и понимание настоящего; кто хочет националистические утопии в построении будущего»[46]. Боранецкий в этой связи просто не был исключением. Как указывалось выше, Петр Степанович фактически был одиночкой, и, вполне вероятно, это объясняется в том числе и тем, что он всеми силами старался избежать столь частых в эмигрантской среде внутригрупповых расколов, которые фактически вели к распаду того или иного движения. В частности, Боранецкий подчеркивал, что в значительной мере евразийское движение распалось именно «из-за ужасной атмосферы закулисно-личных отношений»[47].

Однако вопрос здесь в другом. На основании имеющихся на данный момент материалов можно говорить о том, что только с евразийцами в лице прежде всего К.А. Чхеидзе, с которым П.С. Боранецкий также познакомился в Праге, ему удалось поддерживать довольно длительный контакт посредством переписки, которая, как указывает А.Г. Гачева, носила характер своего рода мировоззренческого диалога. Это тем более удивительно, что многие деятели эмиграции, включая и евразийцев, в частности Н.Н. Алексеев, не выдерживая идейного и эмоционального напора Петра Степановича, проявляемого порой в неистовой форме, старались постепенно от него дистанцироваться. В 1933 г. Алексеев предоставил свою статью для публикации в № 3 «Третьей России»[48], а уже в 1934 г. в письме Савицкому призывал предать Боранецкого «полному бойкоту», квалифицируя его «как тип уголовный или полууголовный»[49]. Причиной стал намеренный срыв Боранецким собрания Объединенного пореволюционного клуба. При этом, как подчеркивает Алексеев, лидер третьероссов и не думал оправдываться, заявив, что «в политике все средства дозволены»[50].

Все эти обстоятельства, судя по всему, Петра Степановича не особенно трогали. Он достаточно легко адаптировался к любой ситуации, если нужно, шел напролом, не стесняясь ни в выражениях, ни в действиях, не боясь при этом шокировать эмигрантскую интеллигенцию. Он не боялся расколов, ибо раскалываться было нечему. Можно сказать, что в эмигрантской среде он был единственным в своем роде феноменом, наглядно показав, какими могут быть представители нового «вышедшего из земли» поколения, «рожденного революцией»[51] (так Боранецкий называл себя и себе подобных), но не связанного большевистской атеистической, классовой идеологией. Он был абсолютно искренен в своих порой

---

[45] См.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1. С. 192.

[46] *Милюков П.Н.* Евразийство // Последние новости. 1927. 8 февр. № 2148.

[47] «Все во мне и я во всем…»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву… С. 414.

[48] В том же номере и тоже единожды была представлена статья евразийца Н.А. Клепинина.

[49] ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 434. Л. 9–9 об.

[50] Там же.

[51] *Боранецкий П.С.* Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. 1932. № 1. С. 33.

столь нелицеприятных проявлениях. Ведь Боранецкий ставил себя на порядок выше всех пореволюционников, которые, по его мнению, «утверждали Новую Землю, но Небо у них оставалось старое, а, следовательно, старой оставалась и земля», третьероссы же «утверждали» «Новую Землю и Новое Небо»[52].

Мыслитель, на наш взгляд, озвучивал достаточно актуальную и для нашего времени проблему отсутствия объединяющей и руководящей идеи. Он подчеркивал, что современный человек не имеет «подлинного, мощного жизненного идеала». Именно поэтому, по мнению Боранецкого, все люди были «такие безрадостные, вялые, идейно бесхребетные, изъеденные скепсисом, безверием, недоверием, бессильные что-либо создать, чем-либо вдохновиться». Большевикам же, «пусть в виде пародии, смертельного суррогата», удалось создать подобный идеал, и в этом была их сила: «...за неимением подлинного продукта спрос истории довольствуется суррогатом», — делал вывод Боранецкий. В этой связи преодоление большевизма было невозможно, «пока вместо этого суррогата не будет предложен подлинный идеал жизнен<ного> устроения, соответствующий уровню и запросам новой, уже стучащейся в дверь эпохи»[53]. Этим новым идеалом, противопоставляемым и «упадочно-материалистической депрессии», и «архаическому христианскому идеалу», должно было стать «новое целостное миросозерцание» как завершающий творческий синтез культурного человеческого развития[54].

Действительно, кардинальным отличием П.С. Боранецкого и от евразийцев, и от других пореволюционеров было то, что он резко отрицательно относился к христианству и вообще ко всем традиционным религиям. А.Г. Гачева указывает на то, что в эпистолярном споре Боранецкого и Чхеидзе ребром ставился вопрос о том, «имеет ли христианство свои задачи в истории, способно ли оно организовать бытие, или это пассивная нетворческая религия, уходящая прочь от мира и жизни, ценящая лишь трансцендентное»[55]. Однако стремление К.А. Чхеидзе обратить П.С. Боранецкого «к идеям активного, преображающего мир христианства»[56] не увенчалось успехом.

Боранецкий подчеркивал, что он решительно отделяет проповедуемый им «народнический мессианизм» от «церковнического “мессианизма” евразийцев», считая его «грубым недомыслием». Он был убежден, что идея мессианизма, базирующаяся на православии, была реализована две тысячи лет тому назад и, более того, «современный великий кризис человечества на последней духовной глубине своей и есть кризис христианства, являющегося душой, первоидеей западноевропейской цивилизации»[57].

Однако в данном вопросе не все было так однозначно. Дело в том, что Боранецкий говорил об «историческом христианстве и Христе», считая, что «подлин-

[52] *Боранецкий П.С.* Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. 1932. № 1. С. 34.

[53] *Он же.* О новом жизненном идеале // Там же. № 2. С. 47.

[54] Там же. С. 48.

[55] В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов… С. 445.

[56] Там же.

[57] *Боранецкий П.С.* Новый класс или новый народ спасет мир? С. 31.

ный Христос» остался «непроявленным» и его, подчеркивал мыслитель, «мы пока попросту не знаем»[58]. Христос, по Боранецкому, «есть только идеал человека: не то, что было, а то, что должно быть»[59]. В этой связи «неохристианство», например Н.А. Бердяева и Д.С. Мережковского, рассматривалось Боранецким как «некое “новое рел<игиозное сознание>”»[60].

П.С. Боранецкий придавал огромное значение научному прогрессу. Евразийцы в качестве противопоставления коммунистической антирелигиозной позиции приводили довод о том, что современные исследования в области биологи, физики, астрономии подтвердили «ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать т. наз. “научными методами” последние источники бытия». И в этой связи для них становилось ясным, «что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира». Помимо этого, подобные научные выводы, являющие собой продукт «культурной деятельности интеллектуальных верхов», сходились, по их мнению, «с первоначальным сознанием народных масс»[61]. В отличие от них Боранецкий считал, что благодаря науке «человек осознал безграничность (в возможности) своего могущества», он не мог «быть больше рабом — ни в чем, ни как». Для мыслителя это был «факт величайшего религиозного значения». В этой связи наступающую эпоху Боранецкий рассматривал как «эпоху предельного возвеличения Человека»[62].

Он считал, что «современное человечество достигло таких высот развития, что раскрывающиеся перед ним горизонты раздвигаются в бесконечность». Для человека стала возможной постановка таких целей, которые «лишь в качестве мифа могли воздвигать великие религии». «Небывалые размеры современного атеизма» Боранецкий объяснял тем, что «в свете всепроникающего знания» «древняя вековая вера в “потустороннюю” совершенную жизнь» более не удовлетворяла неугасимым идеальным запросам современного человека. «Частичное возрождение христианства» он рассматривал лишь как временную реакцию на материализм[63].

Боранецкий разрабатывал свое учение прежде всего исходя из понимания того, что человеческие «природные запросы в высшей идеальной жизни» неугасимы, поскольку неугасимы в нем «потребности Истины, Добра и Красоты». Не находя удовлетворения на пути теологическом, человек стал искать его «в ином направлении» и нашел, как считал Боранецкий, благодаря раскрывшимся безграничным возможностям человека на земле, «раскрывшееся божеское могущество человека». На смену мифическому «лже-сущему Богу» приходит, по Боранецкому, реальный «Становящийся Бог»[64]. Этот бог есть «реализующееся в истории Абсолютное: Истина, Красота, Добро»[65].

---

[58] *Он же.* О новом жизненном идеале. С. 54.

[59] *Он же.* О новом человеке // Третья Россия. 1934. № 4/5. С. 49.

[60] *Он же.* О новом жизненном идеале. С. 54.

[61] Евразийство (формулировка 1927) // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 4.

[62] *Боранецкий П.С.* В поисках нового миросозерцания // Третья Россия. 1932. № 1. С. 66.

[63] *Он же.* О новом жизненном идеале. С. 48.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 50.

Думается, П.С. Боранецкого вполне можно отнести к тому типу людей, о которых в самом начале XX в. писал В.И. Вернадский: «Под влиянием научного движения в не менее резкой степени меняется положение религий в общественной жизни и понимание религиозных доктрин людьми, затронутыми образованием; что еще важнее, появились новые формы религиозного сознания, считающиеся с теми данными, которые кажутся научно доказанными, и исходят из них в своих построениях, эти формы "реформированных" религий являются явными указателями силы научного движения в истекшем столетии, и едва ли до сих пор оценено все значение этих новых форм понимания старого или попыток новой обработки искомых религиозных проблем»[66].

Безусловно, многие религиозно-философские построения Боранецкого более чем спорны, а некоторые его высказывания в адрес христианства у многих и сейчас могут вызвать, по выражению К.А. Чхеидзе, «репульсивные эмоции»[67], но в рамках данной статьи мы не задавались целью осуществить детальный критический разбор так называемого учения П.С. Боранецкого. Важно здесь то, что актуальной применительно к современности остается сама постановка проблемы взаимодействия науки и религии, влияния религиозной мысли на современную молодежь, проблема разработки некой объединяющей национальной идеи, немыслимой без определенного духовного содержания. Вопрос даже не в том, что определенная часть современного молодого поколения не находит в традиционных религиях ответов на свои духовные запросы, а в том, что порой, к сожалению, подобных запросов не имеет.

Мы вполне согласны с утверждением С.Г. Семеновой о том, что П.С. Боранецкий, как и многие другие пореволюционники, верил, что новое развитие России возможно на путях «"всеединящей идеологии" нового универсального синтеза: западничества и славянофильства — в самобытничество, материализма и идеализма — в положительное, преобразовательное миросозерцание, либерализма и социализма — в неодемократию с первым этапом надклассовой и надпартийной Национально-Демократической Диктатуры, революции и контрреволюции — в духовную революцию, традиционной религии и ее атеистического отрицания — в богоискательство, созидание нового Бога»[68].

В этой связи обращение к наследию эмигрантских пореволюционных мыслителей, к их попыткам на базе православия ли (евразийцы и др.) или некоего «нового целостного миросозерцания» (Боранецкий) синтезировать объединяющую интегративную идеологию, «стоящую на уровне исторических запросов и нужд»[69], представляется достаточно актуальным.

---

[66] *Вернадский В.И.* Прогресс науки и народные массы // Электронные версии работ В.И. Вернадского. URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/progress.txt (дата обращения 6 декабря 2012 г.).

[67] В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов… С. 486.

[68] *Семенова С.Г.* Русская религиозно-философская мысль и пореволюционные течения 1930-х годов в эмиграции // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 303.

[69] *Боранецкий П.С.* Как освободится Россия. С. 19.